

Галина Голицына

АЛГОРИТМ БОГА

Если смотреть в предгрозовое небо, можно увидеть интересное явление, которое в народе называется «небесная лестница»: тяжелая туча закрывает солнце, однако оно все равно пробивается, но не через толщу плотного облака, а бьет лучами из-за края тучи. Эти лучи приобретают вид золотых ступеней, по которым, кажется, вот-вот на землю спустится ангел. Или даже сам Бог. Выглядит это очень красиво и величественно.

Валентина Валерьевна сидела на лавочке в сквере, любовалась «небесной лестницей», щурясь от золотого блеска мощных лучей. Смотреть на эту красоту хотелось бесконечно, но она понимала, что лучше бы уже пойти домой. Дождь может хлынуть в любую минуту, а зонт она с собой не захватила.

Улыбнувшись напоследок золотистым «ступеням», вздохнула и пошла к дому. Надо еще в магазин зайти, купить рис и мясо. Костик попросил плов приготовить. И правда, давненько она эту экзотику не готовила, соскучились уже...

Удивительно, что он вообще вспоминает о еде. Ведь влюбился так, что порой просто выпадает из реальности. В облаках витает, в мечтах. Эх, молодость, молодость... Она и сама в юности была

влюблена так, что, кажется, и по земле-то не ходила, а всё больше по облакам ступала. По золотым ступеням, по «небесной лестнице»... Вроде совсем недавно это было, а вот поди ж ты: уже ее сын вырос настолько, что влюбился по-взрослому! А она до сих пор видит в нем маленького мальчика... Да, мамы — они такие: сколько бы лет ни было чадушку, в глазах матери он всегда остается птенчиком, которого надо кормить и защищать от всего на свете.

А ведь Костик поначалу и сам не понял, что влюбился. Сначала стал время от времени в разговоре упоминать какую-то девочку по имени Лина. И чем дальше, тем чаще.

— Что, она с тобой в группе учится? — уточнила насторожившаяся мать.

Костик помотал головой:

— Не-не-не, она вообще не на экономическом, она на «туризме».

— Откуда же ты ее знаешь?

— Да в библиотеке как-то столкнулись, — пожал он плечами. — Случайно разговорились. Она такая классная!

То, что девушка «классная», не вызывало никаких сомнений: Костик говорил о ней всё чаще, а потом и вовсе — только о ней. Было ясно: парень, что называется, «пропал». Валентина Валерьевна восприняла это стоически. Косте двадцать лет,

самое время не просто интересоваться девушками, а влюбиться по-настоящему. Когда же, если не теперь? Молилась только об одном: чтобы девушка была хорошая, а не какая-то шалава беспутная, повернутая на алкоголе и наркотиках. Нет, с беспутной наркоманкой Костя бы не связался. Исключено. У мальчика с жизненными ориентирами всё в порядке. И девушку он себе наверняка выбрал правильную.

За мыслями и рассуждениями сама не заметила, как приготовила обед.

Выключив огонь под казанком, взяла телефон:

— Алло, сыночек, ты как? Дома скоро будешь? Плов уже готов, как ты и заказывал.

— Мам, не поверишь: уже к подъезду подхожу. Как знал...

Рассмеялась:

— Это ты точно на запах прибежал!

— Еще не совсем, но уже добегаю!

За ужином они, как всегда, болтали обо всем сразу. Валентина Валерьевна — о работе, до которой Косте, по большому счету, не было никакого дела. Сам же Костя, пересказывая матери студенческие новости, то и дело соскальзывал на любимую тему: Лина. Мать слушала очень внимательно. Старалась из его рассказов составить «психологический портрет» этой девушки.

— Костенька, если она тебе так нравится, — может, домой ее приведешь? Мне очень хочется с ней познакомиться. Или она стесняется?

Сын вытаращил глаза и бросил вилку:

— Мам, ну вы прямо как сговорились! Линка тоже меня домой звала. Познакомиться. У нее отец такой строгий — ты не представляешь! Каждый ее шаг контролирует. Домой ждет чуть ли не с секундомером в руках. Минута опоздания — три дня под замком. И он тоже хочет на меня посмотреть. Узнать, с кем дочь время проводит.

У Валентины отлегло от сердца: значит, девочка из хорошей семьи. А что отец чересчур строгий, так это замечательно: дочь всегда под неусыпным родительским надзором.

Костя снова взял отброшенную вилку, покрутил в руках, сказал задумчиво:

— Раз уж на то пошло, давайте соберемся все вместе и познакомимся. Я не против. А ты как?

— И я не против. К себе их пригласим? Или к ним в гости напросимся?

— Ни то, ни другое. Лучше — на нейтральной территории. — Немножко подумал и нахмурился. — Мам, ну это ерунда какая-то получается... Зачем нам эти китайские церемонии? Мы же не собираемся жениться!

— Я тоже на это надеюсь, — кивнула мать. — Рано вам еще.

— Тогда зачем это всеобщее знакомство затевать? На сватовство очень похоже...

Валентина пожалала плечами:

— Наверное, ты прав. С родителями Лины мне пока что знакомиться незачем. А вот саму девочку увидеть очень хочется. Интересно мне, сам же понимаешь!

— Ладно, мы с Линкой посоветуемся. Вот же послал Бог беспокойных родителей...

Советовались влюбленные долго. Потом пришли к единому решению: надо устроить встречу, чтобы все друг друга увидели и узнали получше. Для этого выбрали тихий, уютный ресторан в центре города. Знакомство назначили на субботу, чтобы никто никуда не спешил.

Валентина облачилась в деловой костюм, чтобы подчеркнуть торжественность момента. Костя же от официоза отказался наотрез: еще чего! Не свататься же он идет, в самом-то деле. Джинсы и рубашка-поло — самое то.

Май оказался очень теплым, и ресторан уже открыл для посетителей летнюю веранду.

— Во, Линка уже там! И папаша при ней, — кивнул Костя в сторону веранды. — Верный страж, куда ж без него...

Он помахал девушке, и та радостно помахала в ответ. Рядом с ней сидел мужчина и копался в

смартфоне. Валентина окинула взглядом строгого родителя. Родитель выглядел внушительно: широкие плечи, стрижка «ёжик», дымчатые очки. Импозантный мужчина. Похвалила себя за то, что оделась строго. Получилось, что под стать этому папаше. В каком-нибудь легкомысленном летнем платице чувствовала бы себя хуже.

Когда Валентина с Костей уже входили на веранду, родитель, приветственно махнув им рукой, встал из-за стола и отошел в сторонку, чтобы поговорить по телефону.

А его дочь радостно улыбнулась:

— Проходите сюда, пожалуйста!

Прошли, уселись за столик.

— Давно ждете? — осведомился Костик.

— Не-а. Минут пять, как пришли.

— Отец не злился, что мы опаздываем?

— А чего бы ему злиться? Он же в работе всё время. От телефона не отрывается, сам видишь.

Валентина включилась в их разговор:

— Сынок, познакомь же меня со своей девушкой...

Девушка тут же представилась сама:

— Меня зовут Лина.

— А полное имя как звучит? — уточнила Валентина. — Алина, Галина, Полина?

— Полное — Лионелла.

— Как? — удивилась она.

— Лионелла, — повторила девушка. — Но это очень длинно. Поэтому — Лина.

— Надо же... Мне всегда нравилось это имя. И красивое, и редкое. Мечтала дочку так назвать. Но мой ребенок почему-то решил родиться мальчиком. Значит, у нас с твоей мамой вкусы схожие.

Девушка снова улыбнулась:

— Не с мамой. Меня так папа назвал.

В этот момент папа, закончив разговор, подошел к столику, молча кивнул честной компании, сел и снова погрузился в смартфон, быстро набирая сообщение неизвестному собеседнику. Валентина отметила про себя, что строгий родитель мог бы вести себя повежливее. Незачем так открыто игнорировать людей, которые пришли ради знакомства с ним. Но вслух, конечно, ничего не сказала. Сосредоточилась на разговоре с девушкой.

Та продолжала бесхитростно рассказывать:

— Вообще-то мы с вами могли быть тёзками.

Папа сначала хотел назвать меня Валечкой.

— Серьезно? — удивилась Валентина Валерьевна. — Так уже давно девочек не называют... Почему же ты не стала Валечкой?

— Мама не согласилась. А на Лионеллу согласилась.

Костик спохватился:

— Кстати, родители, познакомьтесь! Это моя мама, Валентина Валерьевна. А это папа Лионеллы, Павел Андреевич. Которому так и не удалось назвать дочку Валечкой.

Валентина обернулась к строгому родителю — и наткнулась на взгляд, который, как лазер, прожигал до костного мозга. Она поежилась. Серьезный товарищ...

А серьезный товарищ вдруг ухмыльнулся одной половиной лица. А в другом уголке рта — в том, который остался неподвижным, — обнаружилась маленькая родинка. Прямо как у...

Как его зовут? Костя сказал — Павел Андреевич? Павел...

ПАШКА???

В горле вдруг образовался ком, напрочь перекрыл кислород. Хотела сглотнуть, но ничего не получалось. И тут пиликнул мобильный в сумке. Как кстати! Бросилась открывать сумку, нашла телефон, схватилась за него, как за спасательный круг. С незнакомого номера пришло сообщение.

Открыла, прочитала: *«Дыши, Валечка, дыши! Держи лицо!»*.

Вообще ничего не поняла. Тряхнула головой, перечитала еще раз. Догадка облила кипятком с макушки до пяток. Подняла неверящий взгляд на своего визави. Тот слабо кивнул и снова опустил глаза в телефон, быстро что-то набирая.

Пришло новое сообщение: *«Мы пока еще не знакомы. Сейчас видимся впервые. Нам обоим лучше держаться холодно, как и положено незнакомцам»* .

Это что еще за игры?!

Разозлившись, ответила: *«Да чтоб ты пропал!»* .

Отправила, потом добавила: *«У тебя это хорошо получается, кстати»* .

Он прочитал и, не поднимая глаз, незаметно покивал.

Валентина опасливо перевела взгляд на детей: вдруг заметили ее замешательство? Но дети были заняты изучением меню, увлеченно разглядывали фотографии блюд. Незаметно выдохнула: они не видели, что она чуть сознание не потеряла. Повезло. Иначе как бы объяснила свое состояние?

И вот что теперь ей делать? Как себя вести?

Пожалуй, Пашка прав: им лучше прикинуться незнакомцами. Они здесь ради детей. Вот об этом надо думать.

Господи, что же делать? Он навязал ей свою игру, она разозлилась поначалу, а теперь поняла, что именно так и надо поступить. Но разве она сможет вести себя холодно с человеком, который... который... В общем, разве сможет она вести себя холодно с *Пашкой*?!

А придется...

Положение спасла Лина:

— Пап, мы будем салат с креветками, а на горячее — медальоны из телятины. Вы уже выбрали?

— Еще выбираем... — Он покрутил в руках меню. — Валентина Валерьевна, вы уже определились?

Прокашлявшись, она взяла себя в руки и сказала чопорно:

— Да я и меню-то не видела... Впрочем, нет никакой разницы, что заказывать. Думаю, здесь все блюда хороши. Выберите на свой вкус, Павел Андреевич.

Пролистав еще пару страничек в меню, он сказал задумчиво:

— Пожалуй, закажу вам белую рыбу на гриле...

Ее снова обдало кипятком: надо же, не забыл! Ох, Пашка, что же ты творишь? Ну погоди, доберусь до тебя, когда детей не будет поблизости...

В ожидании закусок решила завести светскую беседу:

— Линочка, а почему твоя мама не пришла — занята?

Девушка только плечиком дернула. За нее ответил отец:

— Мама Линочки давно живет в другом

городе. У нее там новая семья. Так что я — отец-одиночка. Лина полностью на моем попечении.

Подняла брови:

— Хм, неожиданно... Простите мою бестактность. Я же не знала...

Лина снова улыбнулась:

— Ничего страшного. Мы с папой привыкли к таким вопросам. К тому же вы и правда не могли знать.

Она вообще была очень солнечной девочкой. Часто улыбалась, причем открыто, искренне. На нее было приятно смотреть. С ней было приятно разговаривать. Валентина всё лучше понимала сына. Ну как не влюбиться в такое прелестное создание?

Жаль только, что это прелестное создание — Пашкина дочь. Какая злая ирония судьбы... Монтекки и Капулетти двадцать первого века. Ну почему это случилось именно с ними?!

Однако Пашка прав: надо держать лицо. Пришлось продолжить светскую беседу:

— Павел Андреевич, а кем вы работаете, чем занимаетесь?

Он пожал плечами:

— Да всем понемногу. У меня свой небольшой бизнес, хорошо налаженный. Нам с дочкой хватает с головой, так что не жалуемся. А

ваш папа почему не пришел?

Валентина вздохнула:

— Наш папа погиб. На машине разбился.

— Давно?

— Два года назад.

— Сочувствую.

— Мы с Костей уже пережили самый страшный период, смирились с потерей. Живем потихоньку... Вот Костик диплом получит, пойдет работать, встанет на крыло... Надеюсь, что жизнь наладится.

Павел Андреевич кивнул и перевел разговор: май необычно жаркий, у детей скоро сессия, тополиный пух полетел...

В общем, знакомство состоялось, и обед прошел хорошо. Дети решили пойти развлекаться в парк. Родители расходились по домам.

Павел Андреевич предложил:

— Валентина Валерьевна, давайте я подвезу вас к дому.

Она отказалась:

— Нет, благодарю вас. Я хочу пройтись пешком. К тому же мне надо зайти еще в пару мест...

— Пап, тогда нас подбрось до парка! Неохота трястись в маршрутке.

— Ладно, детвора, залезайте в машину. Домчу с ветерком!

Они уехали, и только тогда Валентина вздохнула полной грудью. На самом деле ей никуда не нужно было заходить по дороге. Просто не хотела показывать Пашке, где она живет. Теперь, когда семьи познакомились, это уже не будет тайной. Тем более если Лина станет бывать у них в доме. Но сегодня ей хотелось поскорее попасть домой. Забиться в норку и привести в порядок мысли и чувства. А если бы он ее подвез, то пришлось бы, наверное, предложить ему зайти «на рюмочку кофе». Конечно, им придется серьезно поговорить — рано или поздно. Но лучше пусть это будет второй вариант. То есть как можно позже. Она не готова сегодня к разговору. Слишком неожиданной оказалась встреча. Да еще их дети составили пару... Тут поневоле призадумаетесь.

Дома она, чтобы успокоиться, стала хвататься за домашние дела. Пыль протерла, навела порядок в холодильнике, супчик сварила. Когда нервничала, всегда так делала: загружала себя простой механической работой. Это и в самом деле успокаивало.

Потом села за стол на вылизанной до блеска кухне, заварила чай с мятой и только тогда позволила себе думать о Павле Андреевиче. О паразите Пашке.

О том Пашке, который ворвался в ее жизнь

яркой кометой, перевернул всё с ног на голову — и умчался в неизвестном направлении, оставив ее растерянной и... повзрослевшей.

Ей было пятнадцать лет, и она в последний раз поехала в летний лагерь. В этом возрасте уже, конечно, не хотелось просыпаться под звуки горна, бежать на обязательную утреннюю зарядку, ходить строем в столовую и на пляж. Но у родителей не выпал отпуск летом, и они решили, что нечего девочке все каникулы сидеть в душном городе, пыль глотать. Так что мама уговорила ее хотя бы на месяц уехать в лагерь, чтобы подышать свежим лесным воздухом, поплавать в речке, позагорать. Поплавать и позагорать, конечно, хотелось. К тому же все подружки всё равно разъехались — кто с родителями на море, кто к бабушкам-дедушкам в деревню. Даже поговорить не с кем было. А летом дни-то длинные, да ничем не занятые. Без подружек так тоскливо... Вздохнув, Валя согласилась на лагерь.

Попала, конечно, в первый отряд. Туда собрали самых старших. Девчонки повезли с собой косметики, бижутерии, всякие плойки-утюжки для волос. Хотели быть красивыми, хотели нравиться. А кому нравиться? Ведь это девочки в пятнадцать лет — уже барышни хоть куда! А мальчишки в этом возрасте еще дети. У них в голове только футбол, войнушка, драки на пустом

месте и прочие пацанячьи радости. Баловство, в общем.

В лагере какие развлечения главные? Днем — речка, пляж. Вечером — дискотека. Девчонки на дискотеку красились, наряжались. Собирались, как Наташа Ростова на первый бал. А очаровывать-то и некого! Мальчишки из их отряда — самые старшие! — под быструю музыку еще отплясывали, а как только диджей ставил медленную композицию, так они разбегались. Стеснялись приглашать девочек. А те, кто помоложе, — и подавно. Среди вожатых были, конечно, ребята. В основном студенты педвузов, они в лагере практику педагогическую проходили. Но им, во-первых, строго-настрого запрещалось заводить романтические отношения с подопечными. Во-вторых, им и самим дела не было до этих соплячек. Зачем, если рядом — боевые подружки-вожатые? Такие же студентки-практикантки, как и парни. Вполне взрослые девицы. Там и посмотреть есть на что, и подержаться, и любовь закрутить можно. Да и просто общаться интереснее со сверстницами, чем со школьницами. Даже если эти школьницы разукрашены, как индейцы чероки.

Валя дискотеки не особо жаловала. Книжки ей нравились больше, чем танцы. Она бы лучше в корпусе посидела, почитала. Но вожатые не

разрешали. Все воспитанники должны быть на виду, под присмотром. Поэтому приходилось плестись к танцплощадке. Хорошо, что там были лавочки. И дни летом длинные, долго не темнело. Можно было сидеть и читать. А чтобы музыка не оглушала, просто отсаживалась подальше.

А потом в лагере появился незнакомый парень. Взрослый. Но в отряд к ним не попал. И вожатым он тоже не был. Девчонки гадали: может, это физрук новый? Так ведь и тот, что есть, работой не перегружен. Зачем же второй?

Интрига длилась недолго. Оказалось, что это к одной из поварих племянник приехал. Она договорилась, что ему разрешат пожить на полулегальном положении. Директор лагеря согласился. А чего б и не согласиться? Места-то не жалко. И тётка родная всегда найдет, чем накормить парня. Повариха как-никак.

Парня звали Павел. Паша. Парень, который как-то молниеносно стал всеобщим любимцем. Любимчик Пашка...

Конечно, в жизни лагеря он никакого участия не принимал. Спал, сколько хотел. Ел, когда вздумается. И практически всё время проводил на речке. Конечно, подальше от школьников, которые в воду заходить имели право лишь по свистку физрука. И выходили тоже по свистку. Это было очень обидно: по чьей-то команде. Ведь вода

поначалу кажется очень холодной. Заходили осторожно, постепенно привыкая. И как только привыкнут, начинают плавать, плескаться, получать удовольствие, тут же — свисток: пожалуйста на берег! Они обижались, просили дать им еще хоть пять минут поплескаться, но физрук был неумолим: «Отрядов много, все должны успеть искупаться по два раза. У меня график, так что отвяньте!».

А в это время Пашка невдалеке хлюпался в реке столько, сколько сам хотел. Даже устраивал показательные заплывы. И весь лагерь смотрел на него с завистью.

Потом, ближе к вечеру, после ужина, Пашка выходил к народу с гитарой. Садился на лавочку и начинал потихоньку брэнчать. И вот на эти волшебные звуки потихоньку сходилось всё более-менее взрослое население лагеря. Сначала он просто играл. Потом, когда слушателей прибавлялось, начинал напевать. У него был абсолютный слух и очень красивый баритон. Девчонки просто млели, когда слушали.

Репертуар был очень разнообразный: и попсовые песни, и баллады, и рок. Ну и, конечно, обширный бардовский репертуар. Он пел и про «солнышко лесное», и про «звезду по имени Солнце», и про того, кто «вчера не вернулся из боя».

Валя, слушая, тоже замирала. Такого

исполнения она еще не слышала. Конечно, в их дворе мальчишки тоже по вечерам терзали гитару, считая себя крутыми исполнителями. Но это было ужас что такое! Если исполнитель освоил только три аккорда, а мелодию тянет козлетоном, причем безбожно ее перевирая, то кому понравится это слушать?

Другое дело — Паша. Он к гитаре относился, как к живому существу. Ласкал ее пальцами. И гитара в благодарность очень чутко отзывалась на малейшее движение пальцев. И этот его волшебный голос... То чистый и звонкий, то полусшепот, то с хрипотцой — «под Высоцкого». Слушатели замороженно внимали. А Валя вообще даже глаза закрывала, чтобы не отвлекаться от песни.

Все, конечно, старались устроиться поближе к исполнителю. Она же, наоборот, отсаживалась подальше. Чтобы никто не наступал на ноги, не наваливался на спину, не толкал локтями. Не понимала: зачем люди напирают? Ведь и так всем прекрасно слышно. Неужели для того, чтобы лучше расслышать, нужно сесть чуть ли не на шею исполнителю? И при этом переругиваться с такими же «меломанами», отпихивая их и выцарапывая себе местечко поближе...

В общем, сначала она влюбилась в его голос. И в голос, и в манеру исполнения. Влюбиться в самого исполнителя ей и в голову не приходило.

Кто он — и кто она? Он — взрослый, уже даже школу окончил. Красивый, талантливый. У него в поклонниках весь лагерь числится. А она кто? Никто. Малявка, которой еще целых два года в школе учиться.

Теперь девчонки собирались на вечер со знанием дела. Теперь они понимали, для чего — для кого! — подкручивают локоны и красят юные мордашки. Каждая мечтала попасться на глаза Паше. Чтобы просто увидел. А там, глядишь, заметит, очаруется. Но Паша не спешил никем очаровываться. Он пел, сколько сам хотел, а потом уходил спать. Тем более, если начиналась дискотека. Уж динамики-то он перекричать точно не мог. Да и не собирался. Девчонки разочарованно вздыхали, но плелись на танцевальный пяточок. И там не столько танцевали, сколько шеи тянули, выглядывали — не появится ли здесь их любимчик Пашка? Но он не появлялся. Неинтересны ему были танцы для малышни.

Днем его тоже не было видно. Он то отсыпался полдня, то, наоборот, с зарей уходил на речку — рыбачить. Девчонки — из числа «ранних пташек» — иногда видели, как он уходит с удочками. Они с раннего утра занимали наблюдательный пост у окна, чтобы отслеживать передвижения своего любимца. Валя так и не примкнула к таким влюбленным дурочкам. Какая

разница — спит сейчас Паша или рыбачит? Главное, что вечером он снова выйдет с гитарой, и можно будет слушать его завораживающий голос...

Словом, днем она вообще о нем не думала, копила эмоции на вечер. Если днем выпадало свободное время, население лагеря разбегалось по кружкам, которых было несколько: технического творчества, театральный, спортивный. У девочек, конечно любимым был театральный кружок, у мальчишек, понятное дело, — спортивный, где физрук разрешал им играть на площадке в футбол, баскетбол, подтягиваться на турнике, даже выдавал им боксерские перчатки (условие было одно: не покалечиться).

Валя обычно брала книжку и уходила читать куда-нибудь на спокойную лавочку, подальше от шума и обычной лагерной суеты.

Уйдя с головой в книгу, она не заметила чужого присутствия. Очнулась, услышав голос:

— Что читаешь?

Обернувшись, не поверила глазам: рядом с ней сидел... Паша. Он явно ждал ее ответа, но она от удивления ничего не могла сказать. Если бы рядом с ней на лавочке оказался инопланетянин, она и то, наверное, удивилась бы меньше.

Не дождавшись ответа, он протянул руку, взял книжку, глянул на обложку:

— «Маленький принц»... Нравится